ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.5
УДК 339.97, 339.9.01
JEL F02

BY 4.0
OPEN ACCESS

Структурная стагнация как стратегический глобальный вызов мировой экономики в современных условиях[1]

Сергей В. ЧИЧИЛИМОВ
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Для цитирования: Чичилимов, С. В. (2026). Структурная стагнация как стратегический глобальный вызов мировой экономики в современных условиях. *AlterEconomics, 23*(1), 66–84. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.5

Аннотация. В статье исследуется эволюция теории экономического роста в ретроспективе XIX–XXI веков. Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что исчерпание потенциала доминирующей модели роста обусловлено одновременным действием трех взаимосвязанных факторов: ростом геополитического напряжения, обострением геоэкономического противостояния и сменой доминирующего фактора хозяйственного роста, в своей совокупности предопределяющих формирование предпосылок глобальной структурной стагнации. Актуальность работы заключается в дополнительном анализе исторической цикличности кризисов экономического роста. Цель данной статьи — выявить закономерности формирования структурной стагнации на основе сравнительного анализа трех ключевых периодов: 1920–1930-х, 1970–1980-х и 2020-х годов и рассмотреть влияние экономических теорий каждого этапа на преодоление ловушки структурной стагнации. В работе применяется метод исторического и эмпирического сравнения данных, дополненный количественным анализом динамики источников ВВП в США и Великобритании. Установлено, что каждое попадание мировой экономики в ловушку структурной стагнации сопровождалось одновременным действием трех факторов: ростом геополитического напряжения, обострением геоэкономического противостояния и исчерпанием потенциала доминирующего фактора роста (капитала, совокупного спроса, технологий). Показано, что выход из стагнации происходил в том числе через формирование новой теоретической парадигмы, расширяющей предыдущую за счёт учёта знаний, институтов и человеческого капитала. Основной вывод заключается в том, что угроза новой ловушки структурной стагнации требует перехода к модели роста, основанной на суверенных компетенциях в сфере знаний и гибкой институциональной адаптации. В качестве направления будущих исследований предложено количественное моделирование взаимосвязи между качеством институтов, уровнем человеческого капитала и устойчивостью к геоэкономическим шокам.

Ключевые слова: экономическая теория, экономический рост, структурная стагнация

[1] © Чичилимов С. В. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Structural Stagnation as a Strategic Global Challenge to the World Economy

Sergey V. CHICHILIMOV ✉
Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

For citation: Chichilimov, S. V. (2026). Structural Stagnation as a Strategic Global Challenge to the World Economy. *AlterEconomics, 23*(1), 66–84. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.5

Abstract. This article examines the evolution of economic growth theory from the nineteenth to the twenty-first century. The study hypothesizes that the exhaustion of the dominant growth model results from the simultaneous interaction of three interrelated factors: rising geopolitical tensions, intensifying geoeconomic competition, and a shift in the dominant driver of economic growth. Together, these processes create the conditions for global structural stagnation. The relevance of the study lies in its additional analysis of the historical cyclicality of economic growth crises. The article aims to identify patterns in the emergence of structural stagnation through a comparative analysis of three key periods: the 1920s–1930s, the 1970s–1980s, and the 2020s. It seeks to examine how the economic theories of each period contributed to overcoming stagnation. The study employs a comparative historical approach supported by an empirical analysis of GDP growth components in the United States and Great Britain. The findings indicate that periods of structural stagnation in the global economy consistently coincide with the simultaneous influence of three factors: heightened geopolitical tensions, intensified geoeconomic competition, and the exhaustion of the dominant growth driver (capital accumulation, aggregate demand, or technological progress). Recovery from stagnation has historically been associated with the emergence of new theoretical paradigms that expand previous frameworks by incorporating knowledge, institutions, and human capital. The risk of a new phase of structural stagnation requires a transition toward a growth model based on sovereign knowledge capabilities and flexible institutional adaptation. Future research may focus on quantitative modeling of the relationship between institutional quality, human capital development, and resilience to geoeconomic shocks.

Keywords: economic theory, economic growth, structural stagnation

1. Введение

К середине третьего десятилетия XXI в. мировая экономика вошла в период ускоренного охлаждения хозяйственного роста: среднегодовые темпы прироста глобального ВВП снизились с 3,3 % в 2000–2009 гг. и 3,6 % в 2010–2019 гг. до 3,1 % в 2020–2024 гг.[1] Схожий тренд отмечают специалисты и в приросте общей факторной производительности, динамика которой в 2020–2024 гг. снизилась более чем в 2 раза по сравнению с периодом 2010–2019 гг.[2] Такой же спад происходит и с одним из главных драйверов экономического роста — международной торговлей товарами, среднегодовой прирост реального объема которой снизился с 10,9 % в 2010–2019 гг. до 6,4 % в 2020–2024 гг.[3] Одновременно ускоряется убывающая отдача от накопления традиционных факторов производства. По оценкам ЮНКТАД, прирост ВВП на единицу вложенного капитала в странах ОЭСР снизился с 0,42 в 2000–2007 гг. до 0,23 в 2015–2024 гг. Кроме того, рост производительности труда, несмотря на растущие инвестиции, в США, Германии и Японии замедлился с 2,1 %

[1] Рассчитано по: World Bank Data. GDP Growth (Annual, %). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (дата обращения: 08.02.2026).

[2] IMF. World Economic Outlook: Global Economy in Flux, Prospects Remain Dim. October 2025. P. 12.

[3] Рассчитано по: Trade. (Annual, %). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (дата обращения: 08.02.2026).

в среднем за 1995–2005 гг. до 0,8 % в 2015–2024 гг.[1] В результате повышается риск попадания глобальной хозяйственной системы в состояние структурной стагнации, характеризующейся общим спадом динамики ВВП и синхронным торможением ключевых компонентов экономического роста.

Целью настоящей статьи является выявление причин снижения динамики экономического роста в условиях нарастания геоэкономической конкуренции и структурной трансформации мировой экономики. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

— выявить новые детерминанты экономического роста, обусловленные повышением роли экономики знаний, массовизацией применения искусственного интеллекта и обострением геоэкономической конкуренции;

— уточнить механизмы сонастройки институциональной среды и государственной политики трансформации инноваций в производительные силы;

— определить возможное сущностное наполнение новой структурной стагнации в XXI в.

Рабочая гипотеза состоит в том, что в связи с постоянным усложнением мировой хозяйственной системы в период глобальных структурных трансформаций исчерпывается потенциал доминирующей модели экономического роста как следствие сочетания трех взаимосвязанных факторов — роста геополитического напряжения, обострения геоэкономического противостояния и смены доминирующего фактора хозяйственного роста. В этот момент в результате истощения потенциала предыдущих детерминант экономического роста глобальная хозяйственная система попадает в период общего спада динамики ВВП и нарастания структурной стагнации — синхронного торможения большинства составляющих экономического роста. Главной задачей экономической науки в этих условиях становится поиск нового сущностного наполнения и вариантов обеспечения устойчивого роста ускорением развития человеческого капитала, согласованием инструментов модернизации хозяйственной сферы, купированием проблемных зон институциональной среды.

2. Структурная стагнация в 1930–1940-х гг.

Первое попадание мировой экономики в ловушку структурной стагнации в XX в. приходится на рубеж 1920–1930-х гг. К этому времени модель хозяйственного развития, основанная на постулатах классической школы, начала исчерпывать свой потенциал роста. Первый из них — «невидимая рука рынка» — механизм, который, по мнению А. Смита (1723–1790 гг.), впоследствии Д. Рикардо (1772–1823 гг.) и других ученых-классиков, при отсутствии активного государственного вмешательства и обеспечении свободной конкуренции способен автоматически приводить рынки к равновесию. Так, А. Смит в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» в 1776 г. отмечал, что торговец (экономический агент), «преследуя собственную выгоду…невидимой рукой направляется к цели, употребляя капитал на поддержку отечественной промышленности… и способствует интересам общества эффективнее, чем когда намеренно стремится к этому» (Smith, 1776). Однако в период «Великого слияния корпораций» (“The Great Merger Movement”) 1895–1920 гг. (Lerner, 1959) в США началось формирование транснационального

[1] United Nations. (2025). *Trade and Development Report 2025. On the brink trade, finance and the reshaping of the global economy.* [Электронный ресурс]. https://unctad.org/publication/trade-and-development-report-2025 (дата обращения: 14.11.2025).

капитала. Уже к 1912 г. 90 % производства в ключевых секторах США (сталь, медь, сахар, табак) контролировалось десятью международными трестами (Lamoreaux, 1985), а доля капитала крупных транснациональных корпораций в американских промышленных активах выросла с 10 до 45 % за 1895–1920 гг. (Attak, 2003, p. 10). В связи с этим свободная рыночная ценовая координация и распределение капитала, как и механизм «невидимой руки», постепенно вытеснялись административно-корпоративным планированием.

Второй ключевой постулат классиков — закон Ж.-Б. Сэя, предложенный в 1803 г., согласно которому совокупный спрос автоматически поглощает весь объем продукции, произведенный в соответствии с существующей технологией и ресурсами в условиях экономики с гибкими ценами. В своих трудах Ж.-Б. Сэй (1767–1832) утверждал: «Каждое предложение создает свой собственный спрос, поскольку… покупка всякого продукта не может совершиться иначе как на ценность другого продукта…» (Сэй, 1896, с. 45). Эта аксиома исключала возможность системного перепроизводства и предполагала автоматическое совпадение совокупного спроса и предложения в долгосрочной перспективе. Однако зарождение массового промышленного производства в 1900–1920-е гг. эту гипотезу опровергло. Например, в США в этот период промышленный выпуск вырос на 120 %, тогда как реальные доходы населения увеличились на 70 % (Irwin, 2017, p. 48). Одновременно ускорилась динамика расслоения населения по доходам. Доля национального богатства, приходившаяся на верхний 1 % домохозяйств, выросла с 14 % в 1900 г. до 24 % к 1928 г. (Пикетти, 2015, с. 121). Это привело к сужению платежеспособного спроса и эрозии среднего класса. В результате совокупное предложение стало структурно опережать совокупный спрос. В итоге закон Ж.-Б. Сэя утратил объяснительную силу в новой реальности индустриальной экономики.

Третий постулат классической экономической школы заключался в том, что доминирующим фактором экономического роста признавалось исключительно накопление капитала. Это утверждение доказывал, например, Дж. С. Милль (1806–1873), отмечая в работе «Основы политической экономии» (1859 г.), что «прирост капитала есть прирост производственных средств, а значит, и будущего продукта» (Милль, 1980). Данная логика предполагала прямую и устойчивую связь между объемом инвестиций и динамикой ВВП. Однако уже в 1900–1920 гг. эта связь стала ослабевать. В частности, в Великобритании и США ежегодный прирост валового накопления основного капитала увеличился с 4,1 % и 5,7 % в 1880–1899-х гг. до 7,6 %[1] и 9,2 % (Irwin, 2017, p. 67) в 1900–1929-х гг. При этом за аналогичный период динамика ВВП в этих странах снизилась с 2,5 % и 4,3 % до 0,72 % и 3,4 % соответственно (Eichengreen, 1996, p. 287).

На рубеж 1920–1930-х гг. одновременно приходится проявление трех детерминант торможения экономического роста крупнейших экономик. Во-первых, геополитическое напряжение достигло своего пика с началом Первой мировой войны 1914–1918 гг. К ее окончанию завершился «золотой век» мировой экономики 1870–1914 гг., когда среднегодовые темпы прироста глобального ВВП равнялись 2,7 %, экспорта — 3,7 % против 1,2 % и 1,5 % за 1820–1870-е гг. (Eichengreen, 1996,

[1] National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. [Электронный ресурс]. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fescoe-website.s3.amazonaws.com%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F10%2F02122909%2FTABLES-Feinstein-1972-National-Income-Expenditure-and-Output-of-the-United-Kingdom-1855-1965.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 23.11.2025).

р. 287). За пять лет военных действий (1914–1918 гг.) мировой ВВП сократился на 10 %, мировая торговля — на 35 %, рухнул золотой стандарт, затруднив возможности поиска вектора восстановительного роста[1]. Кроме того, началась фрагментация глобального экономического пространства, вылившаяся к 1930-м гг. в его дробление на несколько валютно-финансовых блоков — стерлинговый (46 стран во главе с Британией и совокупной долей в мировом экспорте около 40 %), долларовый (США и страны Латинской Америки, на которые приходилось около 15 % глобального экспорта) и золотой (Франция и страны Бенилюкса, контролировавшие еще 12 % мировой торговли) (Eichengreen, 1996, p. 320).

Во-вторых, из-за накопившихся после окончания Первой мировой войны геополитических противоречий резко возрос уровень геоэкономического противостояния, особенно по линии крупнейших экономик Европы и США, который обернулся в итоге Великой депрессией 1929–1939 гг., захватившей экономику большинства капиталистических стран. В самой острой фазе кризиса Великой депрессии (которую, кстати, специалисты называют «первым по-настоящему глобальным структурным кризисом промышленного капитализма» (Eichengreen, 1996, p. 281)) в 1929–1939 гг. мировой ВВП сократился на 15 %, объем международной торговли — на 66 % (Maddison, 2001). Кроме того, уровень безработицы в США и странах Европы достиг 25 % (безработными являлись 30 млн чел.), промышленное производство сократилось на 52 %, а прямые иностранные инвестиции — на 74 % (Irwin, 2017, p. 126).

В-третьих, на стыке второго и третьего десятилетий XX в. началась смена доминирующего фактора экономического роста — накопление капитала стало утрачивать свою эффективность. Так, согласно расчетам американских специалистов, глобальная доходность капитала (рассчитанная на примере США и 15 стран Европы для векселей, облигаций, акций и жилой недвижимости) упала с 7,0 % в среднем за 1870–1890 гг. до отрицательных значений в 1910–1930-х гг.[2] При этом в США за 1900–1930 гг. уровень отдачи на вложенный капитал снизился на 27 % (Maddison, 2008).

Одновременное наложение детерминант спада экономического роста привело к структурной стагнации в крупнейших экономиках мира (табл. 1). Причем на глобальном уровне такой феномен и в таком масштабе проявился фактически впервые в статистически наблюдаемой мировой экономической истории. В 1920-е гг. среднегодовой прирост расходов домохозяйств в США уходит в отрицательные значения (–3,7 %), так же как и инвестиции в основной капитал (–7,0 %), вследствие чего ВНП начинает сжиматься (–2,2 %). При этом вклад упавшего практически в 40 раз по сравнению с предыдущим десятилетием среднегодового объема чистого экспорта не смог исправить тренд. В Великобритании ситуация повторилась зеркально с одним уточнением. В 1920–1929 гг. здесь все источники экономического роста, включая чистый экспорт, оказались в отрицательной зоне. Такая синхронная эрозия ключевых составляющих экономического роста стала одной из главных причин начала затяжного кризиса Великой депрессии.

[1] Минаев, С. (2017, 17 сентября). Крах, Британия. *Коммерсантъ*. [Электронный ресурс]. https://www.kommersant.ru/doc/3409691 (дата обращения: 08.02.2026).

[2] Jordá, O., Knoll, K., Kuvshinov, D., Schularick, M., & Taylor, A. M. (2017). *The Rate of Return on Everything, 1870–2015*. [Электронный ресурс]. https://www.anderson.ucla.edu/documents/areas/fac/finance/RORE_13Dec2017.pdf (дата обращения: 08.02.2026).

Таблица 1

Динамика источников экономического роста в Великобритании и США в 1880–1930-е гг. в среднем за год, %

Table 1

Sources of Economic Growth in the UK and the USA, Annual Averages for the 1880s–1930s, %

Источник	Значение показателя по годам					
	1880–1889	1890–1899	1900–1909	1910–1919	1920–1929	1930–1939
Великобритания						
Прирост государственных расходов	1,2	1,5	0,2	–1,4	–2,2	2,8
Прирост расходов частных домохозяйств	1,6	2,5	1,6	9,8	–3,2	–7,8
Прирост накопления основного капитала	–0,1	8,4	–3,2	6,8	–5,0	3,4
Чистый экспорт, млн фунтов	76,0	58,0	47,0	–12,0	–84,0	–110,0
ВНП*	2,1	3,4	1,9	8,7	–3,4	1,4
*США***						
Прирост государственных расходов	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Прирост расходов частных домохозяйств	1,7	3,5	3,2	14,8	–3,7	–8,8
Прирост накопления основного капитала	1,4	14,2	15,7	3,2	–7,0	–4,4
Чистый экспорт, млн долл.	–29,0	112,0	228,0	786,0	21,0	108,0
ВНП	1,1	5,4	4,3	13,8	–2,2	1,5

Примечания: * в официальных статистических материалах информация в разрезе источников роста ВВП дается с 1930-х гг.

** Данные по источникам экономического роста в США доступны только с 1929 г.

Источник: National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. [Электронный ресурс]. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fescoe-website.s3.amazonaws.com%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F10%2F02122909%2FTABLES-Feinstein-1972-National-Income-Expenditure-and-Output-of-the-United-Kingdom-1855-1965.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK; (Eichengreen, p. 287; Maddison, 2001, pp. 400–410); Bureau of Labor Statistics.100 Years of U.S. Consumer Spending. [Электронный ресурс]. https://www.google.com/search?q=100+years+of+expenditures+us&safe=active&sca_esv (дата обращения: 08.02.2026).

Данные, приведенные в таблице 2, показывая изменение структуры драйверов хозяйственного развития, подтверждают исчерпание потенциала предыдущей модели экономического роста. Так, доля частного потребления в Великобритании, на протяжении 1880–1910-х гг. составлявшая более 85 % в структуре ВНП, в 1920-е гг. впервые начинает падать, опускаясь до 76,7 % в среднем за десятилетие, что отражает снижение способности массового потребительского рынка к саморегулированию. Одновременно доля государственных расходов, остававшаяся стабильной на уровне 4–6 % до Первой мировой войны, в 1920-е гг. резко возрастает до 23,3 %, тем самым формируя роль государства как компенсатора частного спроса и регулятора инвестиционных потоков. При этом вклад капитальных вложений в структуре

Таблица 2

Изменение структуры источников экономического роста в Великобритании в 1880–1930-е гг. в среднем за десятилетие, %

Table 2

Structural Changes in the Sources of the UK's Economic Growth, Decadal Averages (1880s–1930s), %

Источник	Значение показателя по годам					
	1880–1889	1890–1899	1900–1909	1910–1919	1920–1929	1930–1939
Государственные расходы	4,0	5,8	6,3	8,5	23,3	13,5
Расходы частных домохозяйств	87,8	87,8	87,9	85,5	76,7	80,8
Накопление основного капитала	8,1	6,4	7,4	8,6	4,4	13,1
Чистый экспорт	0,1	0,1	–1,6	–2,6	–4,4	–7,4

Источник: National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. [Электронный ресурс]. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fescoe-website.s3.amazonaws.com%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F10%2F02122909%2FTABLES-Feinstein-1972-National-Income-Expenditure-and-Output-of-the-United-Kingdom-1855-1965.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 08.02.2026).

роста падает до исторического минимума всего 4,4 % в 1920-е гг. Это подтверждает утрату капиталом структурной значимости как детерминанты экономического роста, на восстановление которой ушло десятилетие поиска путей преодоления кризиса в 1930-х гг.

Поиск альтернативы классической модели экономического роста и осмысление причин структурной стагнации 1920–1930-х гг. привели к формированию течения, которое можно условно назвать «Новой экономической мыслью». Экономисты этого течения, формально являясь представителями разных научных школ (австрийской, кейнсианства, нового институционализма и т. д.), работали над вариантами возможных форматов обеспечения устойчивого хозяйственного роста. При сохранении разногласий относительно необходимого уровня свободы рынка эти направления сходились в трех положениях. Во-первых, отказ от монофакторной логики роста и переход к междисциплинарному анализу экономической динамики. В числе ее детерминант, помимо располагаемых ресурсов, теперь учитывались знания, технологии, институты, ожидания и поведенческие установки. Во-вторых, центральным объектом теоретического внимания становится государство. Даже австрийцы, отвергавшие прямое его вмешательство, признавали необходимость институциональных рамок (прав собственности, стабильной валюты), которую могло обеспечить только государство. В-третьих, экономический рост перестал рассматриваться как автоматический и равновесный процесс. Все школы, пусть по-разному, признавали его фрагментарность, конфликтность и историческую нелинейность, требующую активного администрирования хозяйственными условиями со стороны государства. Однако каждая школа трактовала вопрос обеспечения устойчивого хозяйственного роста по-разному.

Так, представители австрийской школы — Й.-А. Шумпетер (1883–1950), Л. фон Мизес (1881–1973) и др. — предложили инновационно-динамическую модель роста, сместив акцент с количества капитала на его качество и новизну.

Например, Й.-А. Шумпетер в книге «Теория экономического развития» в 1911 г. определил основу хозяйственного развития (экономического роста) не как изменение («приспособление рынка») «посредством небольших шагов», а как «появление новых комбинаций факторов производства — новых товаров, новых методов производства, новых рынков, новых источников сырья и новых форм организации» (Шумпетер, 2008, с. 132). Л.фон Мизес в свою очередь в 1927 г. подчеркивал: «Капитал — не сумма активов, а совокупность знаний о производственных возможностях» (Мизес, 1994, с. 81), указывая на ключевую роль информационной и организационной составляющих в формировании производительных сил.

Другую трактовку вопроса обеспечения экономического роста в новых реалиях предложил Дж.М. Кейнс (1883–1946). Изучая первопричины коллапса совокупного спроса, в работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) профессор кембриджского университета обосновал макроэкономический механизм компенсации снижения спроса со стороны частных домохозяйств за счет государственного вмешательства: «…государственные капиталовложения должны становиться балансиром, увеличиваясь в периоды спада и сокращаясь во время бума» (Keynes, 1936, p. 120). Его последователь П. Самуэльсон (1915–2009), систематизируя кейнсианскую логику в рамках неоклассического синтеза, в фундаментальном труде «Экономика: вводный анализ» в 1948 г. показал, что устойчивый рост возможен только при активной фискальной и монетарной политике, устраняющей макроэкономические диспропорции (Samuelson, 1948; Stolper & Samuelson, 1941). В то же время Р. Коуз (1910–2013) хотя и не занимался напрямую теорией роста, в работе «Природа фирмы» в 1937 г. заложил институциональные основы нового подхода, указав, что эффективность рынков в условиях массового спроса и потребления зависит от транзакционных издержек и прав собственности (Coase, 1937). Если государство снижает издержки координации, его вмешательство становится не помехой, а условием роста и целенаправленной политикой согласования экономических интересов субъектов хозяйствования. Таким образом, в 1930–1950-е гг. завершилось формирование нового теоретического подхода, в котором рост перестал считаться автоматически поступательным. Теперь его динамику стало определять влияние трех взаимосвязанных факторов — качества капитала (австрийская школа), масштаба совокупного спроса (кейнсианство) и инклюзивности институциональных механизмов (институционалисты).

3. Эпоха кризисов 1970–1980-х гг.

К началу 1970–1980-х гг. мировая экономика вновь столкнулась с синхронным наложением ключевых детерминант торможения экономического роста и структурной стагнацией. Во-первых, геополитическое напряжение к 1970-м гг. в очередной раз достигло критического уровня при принципиальном изменении сущностного наполнения по сравнению с началом XX в.: на смену «войнам на передел уже поделенного мира» пришло биполярное противостояние в условиях постепенной деколонизации. К 1975 г. число независимых государств выросло с 89 (в 1945 г.) до 146 (UN, 1976), оформив контуры стран «периферийного капитализма», а доля США в мировом ВВП снизилась с 39,8 % до 27,9 % (Великобритании — с 7,5 % до 4,2 %). Одновременно на фоне противостояния США и СССР произошли два энергетических шока в 1973 г. и 1979 г., когда цена на нефть взлетела с 3 долл. за баррель в 1970 г. до 38 долл. в 1981 г. (BP Statistical Review, 2023), подорвав финансовую устойчивость промышленных

экономик и обострив инфляционные ожидания. Это обернулось перетоком экономической мощи в Китай и закатом «индустриального мира» США, на смену которому пришел «мир финансов и технологий» (Макарова, Чупилкин, 2021, с. 52).

Во-вторых, геоэкономическое противостояние, в первую очередь между Соединенными Штатами Америки и Японией, когда доля американской промышленности в мировом итоге снизилась с 19,2 % в 1960 г. до 11,5 % в 1975 г., а японской, наоборот, выросла с 2,4 % до 9,5 %[1], обернулось стагфляцией в развитых странах. Например, в США в 1974–1982 гг. среднегодовая инфляция превысила 13,5 %, безработица увеличилась до 12 % (Irwin, 2017, p. 148), тогда как прирост ВВП упал до 1,0 % в год (против 4,1 % в 1950–1973 гг.) (Maddison, 2001). В Великобритании уровень безработицы в 1973 г. превысил 15 %, а инфляция разгонялась до пиковых 32 % в 1975 г.[2] Одновременно начали расти протекционистские барьеры: объем мирового экспорта промышленных товаров, попадающих под разного рода нетарифные ограничения, увеличился с 13 % в 1966 г. до 31 в 1979 г.[3] Это привело к необходимости поиска новых источников роста, в первую очередь за счет эндогенных, а не экзогенных факторов.

В-третьих, начался новый этап смены доминирующего фактора обеспечения экономического роста. Если в 1945–1960-е гг. рост поддерживался массовым распространением промышленных инноваций (автоматизация, атомная энергетика, вторая транспортная революция и др.), то к 1970-м гг. ключевую роль приобретает компьютеризация и формирование информационного общества. Например, к 1985 г. в США насчитывалось около 1,5 млн новейших ЭВМ и 17 млн персональных компьютеров, против 50 тыс. в СССР[4], что в т. ч. обусловило наступление «однополярного момента» в дальнейшем. Благодаря этому доля информационного сектора в ВВП США (образование, медиа, НИОКР, информационные технологии) выросла с 11,0 % в 1957 г. до 21,5 % в 1987 г.[5] Одновременно доля занятых в экономике знаний Соединенных Штатов Америки выросла с 7,5 % в 1950 г. до 16,1 % в 1990 г., что подтверждает наметившийся переход к новым основам экономического роста[6].

Эти факторы на рубеже 1970–1980-х гг. вызвали новый виток структурной стагнации в крупнейших экономиках мира. Данные таблицы 3 показывают резкий спад темпов прироста ВВП (и его ключевых источников) в Великобритании и США в среднем с 3,0 % и 5,0 % в 1950–1969 гг. до 2,0 % и 3,6 % соответственно. Особенно сильно в условиях энергетического кризиса и торговой экспансии развивающихся

[1] World Bank Data. Manufacturing, Value Added (Current US$). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD (дата обращения: 08.02.2026).

[2] Там же. p. 358.

[3] An Introduction to Non-Tariff Barriers to Trade. [Электронный ресурс]. https://scispace.com/pdf/an-introduction-to-non-tariff-barriers-to-trade-25q8tbched.pdf#:~:text=1980s%2C%20for%20example%2C%20exports%20by%20the%20Japanese,from%20directly%20limiting%20imports%20of%20Japanese%20autos (дата обращения: 08.02.2026).

[4] Швед, В. (2013, 04 апреля). Компьютерная гонка с Америкой. *Столетие*. [Электронный ресурс]. https://www.stoletie.ru/versia/kompjuternaja_gonka_s_amerikoj_449.htm (дата обращения: 09.12.2025).

[5] Yuskavage, R. E., & Fahim-Nader, M. (2005). Gross Domestic Product by Industry for 1947-86. *Survey of Current Business, 85,* 70–84. [Электронный ресурс]. https://apps.bea.gov/scb/pdf/2005/12December/1205_GDP-NAICS.pdf (дата обращения: 08.02.2026).

[6] Wolff, E. N. (2006). *The Growth of Information Workers in the U.S. Economy, 1950–2000: The Role of Technological Change, Computerization, and Structural Change.* [Электронный ресурс]. https://conference.nber.org/confer/2006/si2006/prb/wolff.pdf (дата обращения: 08.02.2026).

Таблица 3

Динамика источников экономического роста в Великобритании и США в 1940–1980-е гг. в среднем за год, %

Table 3

Sources of Economic Growth in the UK and the USA, Annual Averages (1940s–1980s), %

Источник	Значение показателя по годам				
	1940–1949	1950–1959	1960–1969	1970–1979	1980–1989
Великобритания					
Прирост государственных расходов	6,8	2,9	3,1	2,7	2,1
Прирост расходов частных домохозяйств	3,4	3,0	3,5	2,8	2,6
Прирост накопления основного капитала	2,2	4,1	3,9	1,9	1,7
Чистый экспорт, млн фунтов	0,3	–0,2	0,4	–1,1	–0,8
ВВП	4,0	2,9	3,0	2,0	2,1
США					
Прирост государственных расходов	8,5	6,5	4,5	0,7	3,4
Прирост расходов частных домохозяйств	4,5	4,1	4,9	3,9	3,7
Прирост накопления основного капитала	8,9	4,6	6,4	5,3	3,0
Чистый экспорт, млн долл.	1,2	1,0	0,8	–0,2	0,1
ВВП	6,2	4,7	5,3	3,6	3,5

Источник: National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. [Электронный ресурс]. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fescoe-website.s3.amazonaws.com%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F10%2F02122909%2FTABLES-Feinstein-1972-National-Income-Expenditure-and-Output-of-the-United-Kingdom-1855-1965.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK; ONS. Dataset GDP. [Электронный ресурс]. https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/datasets/uksecondestimateofgdpdatatables; BEA. GDP Release Tables. [Электронный ресурс]. https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product (дата обращения: 08.02.2026).

стран снизились государственные расходы и чистый экспорт, который показал отрицательный прирост. Анализ динамики компонентов ВВП показывает, что в США в 1974, 1970 и 1980 гг. три из четырех источников роста — частное потребление, валовые инвестиции и чистый экспорт — одновременно демонстрировали отрицательную динамику (в Великобритании подобная ситуация наблюдалась в 1974 г. и 1980 г.), что доказывает факт структурной стагнации, правда, в меньших масштабах, чем в 1920–1930-х гг. Кроме того, устойчивое замедление темпов прироста всех компонентов ВВП, продолжившееся в 1980-х гг., подтверждает гипотезу об истощении потенциала кейнсианско-институциональной модели роста.

Параллельно с замедлением темпов прироста ВВП продолжалось переформатирование структуры драйверов хозяйственного развития, отражающее смену доминирующего фактора роста (табл. 4). В США и Великобритании доля государственных расходов, достигнув пика в 1940-е гг. на фоне оборонных и антикризисных программ, к 1980-м гг. стабилизировалась на более низком уровне. Одновременно росла доля потребления домохозяйств — до 62,0–62,6 % к концу 1980-х гг., что указывает на формирование модели экономического роста с опорой на внутренний рынок, ставший основой устойчивого развития западных стран в конце XX — начале XXI в. При этом

Таблица 4

Изменение структуры источников экономического роста в Великобритании и США в 1940–1980-е гг. в среднем за десятилетие, %

Table 4

Structural Changes in the Sources of Economic Growth in the UK and the USA, Decadal Averages (1940s–1980s), %

Источник	Значение показателя по годам				
	1940–1949	1950–1959	1960–1969	1970–1979	1980–1989
Великобритания					
Государственные расходы	38,2	30,1	29,5	31,2	29,8
Расходы частных домохозяйств	54,3	58,7	59,1	60,2	62,0
Накопление основного капитала	16,5	18,4	19,0	18,3	17,6
Чистый экспорт	–9,0	–7,2	–7,6	–9,7	–9,4
США					
Государственные расходы	28,3	22,5	23,1	21,5	20,8
Расходы частных домохозяйств	59,2	60,8	59,7	60,5	62,6
Накопление основного капитала	11,3	16,4	16,6	18,3	18,5
Чистый экспорт	1,2	0,3	0,6	–0,3	–1,9

Источник: National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. [Электронный ресурс]. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fescoe-website.s3.amazonaws.com%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F10%2F02122909%2FTABLES-Feinstein-1972-National-Income-Expenditure-and-Output-of-the-United-Kingdom-1855-1965.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK; ONS. Dataset GDP. [Электронный ресурс]. https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/datasets/uksecondestimateofgdpdatatables; BEA. GDP Release Tables. [Электронный ресурс]. https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product (дата обращения: 08.02.2026).

доля экспорта в ВВП США с 5,2 % в 1960 г. увеличилась всего до 7,1 % к 1980 г., а в Великобритании за этот же период упала с 5,5 % до 3,2 %[1]. В то же время хронический дефицит чистого экспорта в обеих странах фиксирует утрату конкурентоспособности в традиционных промышленных секторах и рост зависимости от новых игроков в глобальной экономике (Южной Кореи, Японии и др.). В США дефицит торгового баланса стабильно фиксируется вообще с 1976 г., в Великобритании — с 1984 г. Как показывают данные таблицы 4, к концу 1980-х гг. экономики США и Великобритании всё больше опирались на внутренний спрос при хронически отрицательном внешнеторговом сальдо, что предвосхитило переход к неоиндустриальной модели, ориентированной на знания, услуги и государственное стратегическое планирование.

Структурная стагнация 1970–1980-х гг. и неспособность кейнсианских рецептов справиться с ней вызвали новую волну переосмысления природы экономического роста. Ключевыми экономическими школами, искавшими ответ на новые вызовы, в этот период стали монетаризм, неоклассика и новый институционализм, которых, несмотря на методологические расхождения, объединяли три принципиальных положения. Во-первых, констатация окончательного исчерпания потенциала роста только за счет попыток управления совокупным спросом. Во-вторых, возвращение в центр анализа таких долгосрочных структурных факторов экономического роста, как стабильность денежного обращения, общая факторная производительность

[1] Рассчитано по: World Bank Data Export (Current US$). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (дата обращения: 08.02.2026).

и эффективность институтов. В-третьих, восстановление в той или иной степени значимости свободных рыночных механизмов как сложного процесса координации знаний, ресурсов и ожиданий рыночных агентов, который государство может поддерживать, но не замещать.

Одним из основоположников нового взгляда на вопрос хозяйственного роста стал Р. Солоу (1924–2023), предложив в 1956 г. математическую модель, в которой экономический рост считался производной от основных факторов — капитала и труда (Solow, 1956). Однако эмпирическая проверка данной модели показала: в США до 60 % хозяйственного роста не объяснялось пропорциональным увеличением капитала и труда. Этот парадокс получил название «остаток Солоу». Он формировался за счет технического прогресса, дополнительных эффектов от накопления и распространения знаний и ноу-хау, снижения реальных издержек, в совокупности увеличивающих общую факторную производительность.

Концепцию практической реализации новой модели экономического роста предложил М. Фридман (1912–2006) в 1963 г. в своей работе «Монетарная история США, 1867–1960 гг.» (Friedman & Schwartz, 1963). Развивая идеи возросших возможностей саморегулирования рынка и решающей значимости частных предпринимателей в развитии экономики, основатель чикагской экономической школы в качестве главного фактора экономического роста вместо спроса поставил предложение товаров и услуг, сделав ставку на инновации, порождающие экономический подъем, а также снижение налогового бремени, необходимое для развития малого и среднего инновационного бизнеса. Подкрепляя идею важности создания условий для обеспечения инновационного экономического роста, Д. Норт (1920–2015), основатель новой институциональной экономической теории, еще в 1973 г. доказывал, что «экономический рост определяется не столько объемом ресурсов, сколько качеством институтов» (North, 1973). По мнению представителей данной школы, именно институты — «правила игры в обществе» — снижают транзакционные издержки и создают стимулы для инвестиций, инноваций и обмена. Без инклюзивных институтов даже самые передовые технологии не трансформируются в устойчивую производительность и не получат коммерциализации.

4. Вызовы новой структурной стагнации 2020-х гг.

К началу третьего десятилетия XXI в. мировая экономика вновь столкнулась с замедлением динамики экономического роста (Юревич и др., 2025, с. 6) и в очередной раз оказалась на грани структурной стагнации. Так, геополитическая напряженность в силу несостоявшегося проекта Pax Americana (доля США в мировом ВВП упала с 31,1 % в 2004 г. до 25,9 % в 2024 г.) приобрела форму гибридных (военно-экономических) конфликтов (агрессия стран НАТО в Югославии в 1999 г., череда арабских войн и революций 2003–2024 гг.[1], «санкционное цунами» против России и союзных ей стран с 2014 г., прямое вторжение в Венесуэлу в 2026 г. и т. д.) как элемента борьбы за лидерство на рынках сбыта, ресурсов и технологий. Их основная цель — дестабилизировать экономические системы конкурентов в определенном регионе силовыми и хозяйственно-санкционными механизмами, синхронизированными на международном уровне. Например, в 2000 г. в мире

[1] Иракская война 2003–2011 гг., экономическая война с Ираном с 2006 г., революция в Египте 2011–2013 гг., ливийская война 2014–2020 гг., «коалиционная фаза» сирийский войны 2018–2022 гг., события в Йемене 2023–2024 гг.

действовало 4230 санкций, на декабрь 2025 г. — 42650, из которых свыше 70 % ввели после 2014 г.[1] Эта эскалация сопровождалась нормализацией военной риторики в официальных документах. В частности, в 2020–2024 гг. среднегодовая частота употребления терминов «война» (“war”), «противник» (“adversary”) и «угроза» (“threat”) в выступлениях лидеров G7 и коммюнике ЕС по сравнению с 2010–2019 гг. выросла в 4,3, с 2000–2009 гг. — в 6,1 раза[2]. В 2023 г. Министерство обороны США впервые официально использовало термин «соперничество великих держав» (“Great Power Competition”) как стратегическое обоснование увеличения бюджета Пентагона[3], который в ноябре 2025 г. официально переименовали в «Министерство войны США» (U.S. Department of War)[4].

Геоэкономическое противостояние, особенно по линии Глобальный Север–Глобальный Юг, на фоне деиндустриализации западных стран (удельный вес США в мировом промышленном производстве сократился с 21,9 % в 2004 г. до 15,2 % в 2024 г., 27 стран ЕС — с 25,0 % до 16,8 % при одновременном увеличении доли стран БРИКС+ с 14,2 % до 42,1 %[5]) и, как следствие, постепенной утраты технологического лидерства (Сечин, 2024, с. 618), также обострилось и приобрело агрессивный характер (Потапов, 2025, с. 100). Катализаторами этой трансформации стали Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., снизивший совокупный ВВП стран Азии на 5,7 % за два года, кризис доткомов в США в 2000–2002 гг. с последующим спадом среднегодовых темпов прироста ВВП в стране с 4,1 % в 1995–1999 гг. до 2,8 % в 2000–2005 гг.[6], финансовый кризис 2008 г., вызвавший спад международной торговли на 12,2 %, ПИИ — на 39 % при сокращении мирового ВВП на 1,4 % за один 2008 г.[7] В результате в ходе начавшейся Великой рецессии (среднегодовой прирост ВВП в странах ОЭСР в 2010–2019 гг., составив 1,7 %, оказался вдвое ниже показателя 1990–2007 гг. в 3,6 %[8]) обострилось геоэкономическое противостояние, дав толчок всё большему распространению практики вепонизации (“weaponization”) (Смородинская, Катуков, 2024, с. 109; Смородинская и др., 2025), т. е. использованию факторов хозяйственной взаимозависимости в качестве оружия для геополитического давления на партнеров и конкурентов. Задействованный инструментарий облекается в агрессивно-протекционистскую форму тарифного

[1] Castellum.AI. [Электронный ресурс]. https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard https://www.trend.az/iran/3687000.html (дата обращения: 08.02.2026).

[2] Рассчитано по: American Presidency Project. [Электронный ресурс]. https://www.presidency.ucsb.edu/; EUR-Lex & European Council Conclusions. [Электронный ресурс]. https://eur-lex.europa.eu/; https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/ (дата обращения: 08.02.2026).

[3] U.S. Department of War. National Defense Strategy. [Электронный ресурс]. https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022_NATIONAL_DEFENSE_STRATEGY.PDF(дата обращения: 08.02.2026).

[4] Executive Order 14347. [Электронный ресурс]. https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/09/restoring-the-united-states-department-of-war/ (дата обращения: 08.02.2026).

[5] World Bank Data. Manufacturing, Value Added (Current US$). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD (дата обращения: 08.02.2026).

[6] World Bank Data. GDP (Current US$). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.KGWT.KD.ZG(дата обращения: 08.02.2026).

[7] Рассчитано по: World Bank Data Trade (Current US$). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG; World Bank Data. GDP (Current US$). [Электронный ресурс]: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.KGWT.KD.ZG (дата обращения: 14.11.2025).

[8] World Bank Data. GDP Growth (Annual, %). [Электронный ресурс]. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG (дата обращения: 08.02.2026).

(за один 2025 г. средневзвешенная ставка импортного тарифа США взлетела с 2,5 % в январе до наивысшего с 1937 г. значения 18,5 % в декабре, а для китайских товаров поднималась до 110 %[1]) и нетарифного принуждения (за 2014–2025 г. количество санкционных записей против юридических и физических лиц в американском SDN-листе выросло с 3,5 тыс. до 42,7 тыс.[2]), прямо называемого экспертами «хищнической» политикой (Дмитриев, 2025, с. 16), проявляющейся в формате глобальных управленских войн (Балацкий, 2025, с. 40). В целом, по данным ВТО, доля мирового импорта, охваченного торговыми ограничениями, выросла с 1,4 % в 2009 г. до 11,8 % в 2024 г. и оценочно 21,5 % в 2025 г.[3] с резким ростом к 2020-м гг. количества защитных мер в мировой экономике — антидемпинговых, компенсационных, а также специальных (Загашвили, 2025, с. 6).

Наконец, к началу третьего десятилетия XXI в. усилилось исчерпание потенциала традиционных факторов экономического роста — труда и капитала. Например, рост производительности труда в США замедлился с 2,1 % в среднем за 1995–2005 гг. до 0,8 % в 2015–2024 гг., в Великобритании — с 2,3 % до 0,5 %. ОЭСР прямо увязывает спад производительности труда с последствиями кризиса 2008 г. Если в 2000–2007 гг. производительность труда в развивающихся странах в среднем росла на 4–5 % ежегодно (в развитых — около 1 %), то с 2008 г. показатель снизился примерно до 1–2 % (в развитых странах рост практически остановился)[4]. В части капитальных вложений, по оценкам ЮНКТАД, прирост ВВП на единицу вложенного капитала в странах ОЭСР снизился с 0,42 в среднем за 2000–2007 гг. до 0,21 в 2015–2023 гг.

Данные, приведенные в таблице 5, сигнализируют о признаках намечающейся новой структурной стагнации. Это проявляется в одновременном замедлении динамики всех источников ВВП по использованию доходов как в США, так и в Великобритании. В результате среднегодовые темпы прироста ВВП в Великобритании и США снизились с 2,9 % и 3,6 % в 1990–1999 гг. до, соответственно, 1,4 % и 2,1 % в 2000–2009 гг., при этом не восстановив исходные позиции в 2020–2024 гг. с динамикой 1,1 % и 2,6 %.

Параллельно с замедлением темпов прироста ВВП происходит стагнация структуры драйверов хозяйственного развития (табл. 6), что косвенно подтверждает неспособность экономической системы к самостоятельной перенастройке в условиях «новой реальности». В отличие от выше рассмотренных периодов, когда смена доминирующего фактора роста сопровождалась изменением структуры источников экономического роста (увеличение доли госрасходов в 1920-е гг., частного потребления в 1950–1980-е гг.), в первой половине 2020-х гг. подобной трансформации не произошло. Доля частного потребления остается на уровне 2/3 ВВП, государственных расходов в 1/4 – 1/5, а чистый экспорт с 1990-х гг. «минусует»

[1] State of U.S. Tariffs. [Электронный ресурс]. https://budgetlab.yale.edu/research/state-us-tariffs-june-17-2025 (дата обращения: 08.02.2026).

[2] OFAC. SDN-List. [Электронный ресурс]. https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20240223 (дата обращения: 08.02.2026).

[3] WTO. (2025, July 03). *WTO Monitoring Highlights Sharp Rise in Tariffs Alongside Search for Negotiated Solutions*. [Электронный ресурс]. https://www.wto.org/english/news_e/news25_e/trdev_03jul25_e.htm#:~:text=This%20amount%20represents%20the%20highest,facilitate%20trade%2C%20including%20in%20services (дата обращения: 08.02.2026).

[4] OECD. (2025). *The Global Forum on Productivity at 10: Past and Future Perspectives on Reviving Productivity Growth*. Paris: OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/ca7295d9-en

Таблица 5

Динамика источников экономического роста в Великобритании и США в 1990–2020-е гг. в среднем за год, %

Table 5

Sources of Economic Growth in the UK and the USA, Annual Averages (1990s–2020s), %

Источник	Значение показателя по годам			
	1990–1999	2000–2009	2010–2019	2020–2024
Великобритания				
Прирост государственных расходов	3,1	2,0	1,8	2,4
Прирост расходов частных домохозяйств	3,3	1,9	2,1	2,0
Прирост накопления основного капитала	4,2	0,8	2,3	1,1
Чистый экспорт, млн фунтов	–0,1	–0,4	–0,3	–0,5
ВВП	2,9	1,4	2,0	1,1
США				
Прирост государственных расходов	1,4	2,7	0,2	2,3
Прирост расходов частных домохозяйств	3,8	2,7	2,5	2,6
Прирост накопления основного капитала	6,3	–0,2	6,0	3,5
Чистый экспорт, млн долл.	–0,2	–1,5	–1,2	–1,4
ВВП	3,6	2,1	2,7	2,6

Источник: ONS. Dataset GDP. [Электронный ресурс]. https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/datasets/uksecondestimateofgdpdatatables; BEA. GDP Release Tables. [Электронный ресурс]. https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product (дата обращения: 08.02.2026).

Таблица 6

Изменение структуры источников экономического роста в Великобритании и США в 1990–2020-е гг. в среднем за десятилетие, %

Table 6

Structural Changes in the Sources of Economic Growth in the UK and the USA, Decadal Averages (1990s–2020s), %

Источник	Значение показателя по годам			
	1990–1999	2000–2009	2010–2019	2020–2024
Великобритания				
Государственные расходы	20,1	24,3	28,3	25,3
Расходы частных домохозяйств	62,3	61,1	59,1	61,2
Накопление основного капитала	17,8	15,2	13,0	15,3
Чистый экспорт	–0,2	–0,6	–0,4	–1,8
США				
Государственные расходы	19,1	19,3	18,3	18,3
Расходы частных домохозяйств	64,7	67,4	67,6	66,9
Накопление основного капитала	17,5	17,9	17,0	18,1
Чистый экспорт	–1,3	–4,6	–2,9	–3,1

Источник: National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. [Электронный ресурс]. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fescoe-website.s3.amazonaws.com%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F10%2F02122909%2FTABLES-Feinstein-1972-National-Income-Expenditure-and-Output-of-the-United-Kingdom-1855–1965.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 08.02.2026).

ВВП. Отсутствие структурных сдвигов при одновременном устойчивом замедлении динамики всех компонентов роста указывает на формирование новой глобальной структурной стагнации. К сожалению, в рассмотренной схеме структурирования ВВП выделить составляющую экономики знаний, которая должна стать новым драйвером ускорения экономического роста, невозможно.

В этих реалиях главной производительной силой становится человеческий капитал (когнитивные навыки и способность к генерации технологий работником, а не инновации сами по себе), а его накопление внутри страны позволяет снизить риски геоэкономической неопределенности (Локтионов, 2025, с. 9). По данным Всемирного банка, доля занятых в секторах «экономики знаний» (НИОКР, образование, ИТ, цифровые услуги) в странах ОЭСР выросла за 2000–2024 гг. в несколько раз[1]. Например, в США вклад сектора интеллектуальной собственности (патенты, авторские права, программное обеспечение) в ВВП увеличился с 2,2 % в 2000 г. до 5,9 % в 2024 г., при этом экономисты всё чаще обращают внимание на взаимосвязь уровня человеческого капитала и экономического роста (Авдеева, Веселов, 2025).

5. Выводы

На основе проведенного исследования феномена структурной стагнации в мировой экономике можно сделать следующие выводы.

Современная глобальная экономика столкнулась с новым глобальным вызовом: несмотря на ускоряющийся технологический прогресс, наблюдается замедление производительности, рост институциональной фрагментации и охлаждение мировой экономики. Резкий рост геополитического напряжения, обострение геоэкономического противостояния и постепенно просматривающаяся смена доминирующего фактора хозяйственного роста указывают на угрозу попадания мировой экономику в новую структурную стагнацию. В этих условиях обеспечение устойчивого экономического роста определяется не только инновациями, но и способностью выстраивать новые формы международного сотрудничества в условиях многополярности.

Ключевой задачей в этих условиях становится купирование угроз новой структурной стагнации с конечной целью обеспечения устойчивого экономического роста в новой реальности. Экономическая наука ищет ответ на этот вызов на пересечении исторического опыта, накопленного экономической наукой, новейших эмпирических данных и современных способов их обработки. Контуры новой модели экономического роста просматриваются в конвергенции экономики знаний и глобальной хозяйственной интеграции.

Для Российской Федерации стратегическая задача заключается в формировании собственной модели устойчивого экономического роста, основанной на суверенных промышленно-технологических компетенциях и модернизации экономики в условиях «новой нормальности». В реалиях санкционного давления и перестройки мировой экономики критически важны инвестиции в человеческий капитал, развитие внутренних рынков знаний и создание гибких институтов, способных к быстрой реакции на вызовы. Успех будет зависеть от способности сочетать технологическую самодостаточность (без попадания в автаркию) с продолжением интеграции в глобальные процессы, которые остаются открытыми для страны.

[1] WIPO. Knowledge-Intensive Employment. [Электронный ресурс]. https://www.wipo.int/gii-ranking/en/indicators/511 (дата обращения: 08.02.2026).

Список источников

Авдеева, Д. А., Веселов, Д. А. (2025). Образование и экономический рост: роль институтов. *Вопросы экономики,* (8), 102–120. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-8-102-120

Балацкий, Е. В. (2025). Глобальные управленческие войны: генезис, специфика и значение. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 18* (3), 40–64. https://doi.org/10.15838/esc. 2025.3.99.2

Дмитриев, С. С. (2025). Неопротекционизм администрации Трампа 2.0: промежуточные итоги. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (10), 15–23. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-10-15-23

Загашвили, В. С. (2025). Внешнеторговая политика в условиях полицентризма. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (11), 5–14. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-11-5-14

Локтионов, В. И. (2025). Фрагментация глобального социального капитала. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (7), 5–14. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-7-5-14

Макаров, И. А., Чупилкин, М. С. (2021). Энергетический Пёрл-Харбор. *Россия в глобальной политике, 19* (1), 38–53.

Мизес, Л. (1994). *Либерализм в классической традиции.* Москва: Начала-Пресс, 190.

Милль, Дж. С. (1980). *Основы политической экономии.* Москва: Прогресс, 495.

Пикетти, Т. (2015). *Капитал в XXI веке.* Москва: Ad Marginem, 430.

Потапов, М. А. (2025). Обострение противоречий между КНР и США и перспективы двусторонних экономических отношений. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (6), 92–102. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-6-92-102

Сечин, И. И. (2024). Россия как гарант мировой энергетической безопасности в условиях геополитического сдвига. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика, 40* (4), 607–629. https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.405

Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. (2024). Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика. *Балтийский регион, 16* (3), 108–135. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-6

Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д., Малыгин, В. Е. (2025). Трампономика как апофеоз экономического и технологического национализма. *Вестник Института экономики Российской академии наук,* (6), 127–146. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_6_127_146

Сэй, Ж. Б. (1896). *Трактат по политической экономии.* Москва: Издание К. Т. Солдатенкова, 400.

Шумпетер, Й. А. (2008). *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия.* Москва: Эксмо, 864.

Юревич, М. А., Федюнина, А. А., Симачев, Ю. В. (2025). Битва титанов: структурные сдвиги в глобальной производственной деятельности МНК. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (2), 5–15. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-2-5-15

Coase, R. H. (1937). The Nature of the Firm. *Economica, 4* (16), 386–405. https://doi.org/10.2307/2626876

Eichengreen, B. (1996). *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939.* Oxford: Oxford University Press, 480. https://doi.org/10.1093/0195101138.001.0001

Friedman, M., & Schwartz, A. J. (1963). *A Monetary History of the United States, 1867–1960.* Princeton: Princeton University Press, 860.

Irwin, D. A. (2017). *Clashing over Commerce: A History of U.S. Trade Policy.* Chicago: University of Chicago Press, 832.

Keynes, J. M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest, and Money.* London: Palgrave Macmillan, 472.

Lamoreaux, N. R. (1985). *The Great Merger Movement in American Business, 1895–1904.* Cambridge: Cambridge University Press, 202. https://doi.org/10.1017/CBO9780511665042

Lerner, A. P. (1959). Public Principles of Public Debt: A Defense and Restatement. James M. Buchanan. *Journal of Political Economy, 67* (2), 203–206. https://doi.org/10.1086/258165

Maddison, A. (2001). *The World Economy: A Millennial Perspective.* Paris: OECD Publishing, 600.

Maddison, A. (2008). *The World Economy.* Paris: OECD Publishing, 656.

North, D. C. (1973). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance.* Cambridge: Cambridge University Press, 472.

Samuelson, P. A. (1948). *Economics: An Introductory Analysis.* New York: McGraw-Hill, 287.

Smith, A. (1776). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations.* London: Methuen Co., 950.

Solow, R. M. (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics, 70*(1), 65–94. https://doi.org/10.2307/1884513

Stolper, W. F., & Samuelson, P. A. (1941). Protection and Real Wages. *The Review of Economic Studies, 9*(1), 58–73.

References

Avdeeva, D. A., & Veselov, D. A. (2025). Education and economic growth: The role of institutions. *Voprosy ekonomiki,* (8), 102–120. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-8-102-120 (In Russ.)

Balatsky, E. V. (2025). Global governance wars: Genesis, specifics and significance. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 18*(3), 40–64. https://doi.org/10.15838/esc. 2025.3.99.2 (In Russ.)

Coase, R. H. (1937). The Nature of the Firm. *Economica, 4*(16), 386–405. https://doi.org/10.2307/2626876

Dmitriev, S. S. (2025). Trump 2.0 administration neo-protectionism: Intermediate results. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(10), 15–23. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-10-15-23 (In Russ.)

Eichengreen, B. (1996). *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939.* Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/0195101138.001.0001

Friedman, M., & Schwartz, A. J. (1963). *A Monetary History of the United States, 1867–1960.* Princeton University Press.

Irwin, D. A. (2017). *Clashing over Commerce: A History of U.S. Trade Policy.* University of Chicago Press.

Keynes, J. M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest, and Money.* Palgrave Macmillan.

Lamoreaux, N. R. (1985). *The Great Merger Movement in American Business, 1895–1904.* Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511665042

Lerner, A. P. (1959). Public Principles of Public Debt: A Defense and Restatement. James M. Buchanan. *Journal of Political Economy, 67*(2), 203–206. https://doi.org/10.1086/258165

Loktionov, V. I. (2025). Fragmentation of global social capital. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(7), 5–14. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-7-5-14 (In Russ.)

Maddison, A. (2001). *The World Economy: A Millennial Perspective.* OECD Publishing.

Maddison, A. (2008). *The World Economy.* OECD Publishing.

Makarov, I. A., & Chupilkin, M. S. (2021). Energy Pearl Harbor. *Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Affairs], 19*(1), 38–53. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-1-38-53 (In Russ.)

Mill, J. S. (1980). *Osnovy politicheskoy ekonomii [Principles of Political Economy].* Moscow: Progress Publ. (In Russ.)

North, D. C. (1973). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance.* Cambridge University Press.

Piketti, T. (2015). *Kapital v XXI veke [Capital in the Twenty-First Century].* Moscow: Ad Marginem, 430. (In Russ.)

Potapov, M. A. (2025). Escalation of Contradictions Between China and United States and Prospects for Bilateral Economic Relations. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(6), 92–102. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-6-92-102 (In Russ.)

Samuelson, P. A. (1948). *Economics: An Introductory Analysis.* McGraw-Hill.

Say, J. B. (1896). *Traktat po politicheskoy ekonomii [A Treatise on Political Economy]*. Moscow: K. T. Soldatenkov Publ., 400. (In Russ.)

Sechin, I. I. (2024). Russia as a guarantor of global energy security in the context of geo-political shift. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika [St Petersburg University Journal of Economic Studies], 40*(4), 607–629. https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.405 (In Russ.)

Shumpeter, J. (2008). *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy]*. Moscow: Eksmo Publ., 864. (In Russ.)

Smith, A. (1776). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations.* Methuen Co.

Smorodinskaya, N. V., & Katukov, D. D. (2024). Moving towards technological sovereignty: A new global trend and the Russian specifics. *Baltiyskiy region [Baltic Region], 16*(3), 108–135. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-6 (In Russ.)

Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D., & Malygin V. E. (2025). Trumponomics as the apotheosis of economic and technological nationalism. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences],* (6), 127–146. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_6_127_146 (In Russ.)

Solow, R. M. (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics, 70*(1), 65–94. https://doi.org/10.2307/1884513

Stolper, W. F., & Samuelson, P. A. (1941). Protection and Real Wages. *The Review of Economic Studies, 9*(1), 58–73.

von Mises, L. (1994). *Liberalizm v klassicheskoy traditsii [Liberalism in the Classical Tradition]*. Moscow: Nachala-Press Publ., 190. (In Russ.)

Yurevich, M., Fedyunina, A., & Simachev, Y. (2025). Battle of titans: Structural shifts in global MNCs Global Production. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(2), 5–15. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-2-5-15 (In Russ.)

Zagashvili, V. S. (2025). Foreign trade policy under conditions of polycentrism. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(11), 5–14. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-11-5-14 (In Russ.)

Информация об авторе

Чичилимов Сергей Валерьевич — кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0003-3681-4279 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: sergey.chichilimov @gmail.com).

About the author

Sergey V. Chichilimov — Cand. Sci. (Econ.), Junior Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0003-3681-4279 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: sergey.chichilimov@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 15.12.2025.
Прошла рецензирование: 29.12.2025.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 15 Dec 2025.
Reviewed: 29 Dec 2025.
Accepted: 10 Feb 2026.